

Фан Ляочжи впервые увидел императора, когда хлыст, толщиной в три пальца, безжалостно обрушился на его тело.

— Дерзкий нищий, осмелился потревожить священный кортеж!

Конный стражник с мечом ударил его трижды подряд, и тут же кто-то приставил клинок к его шее. Его и без того порванная одежда мгновенно разлетелась в клочья, обнажив окровавленную плоть.

Фан Ляочжи скривился от боли, и только тогда заметил, что все вокруг опустились на колени. Перед ним сверкала повозка Золотого Дракона — императорский кортеж.

Оказывается, голод довёл его до того, что он бросился за булочкой, которую пнул какой-то наглый молодой господин, и выбежал прямо на проезжую часть.

Фан Ляочжи теперь узнал, что когда человек голодает до предела, перед глазами у него всё становится белым, а уши не слышат даже громких звуков, предупреждающих о приближении кортежа.

— Что случилось? — раздался голос из повозки.

— Ваше Величество, нищий перегородил дорогу, — высокий стражник с хлыстом тут же спешил и, опустившись на колени, доложил.

— Ты его ударил? — голос был ледяным. — Что я говорил перед выездом из дворца? Всё это видят люди, и мои личные стражи так жестоко избивают простолюдинов?

— Ваше Величество, я боялся, что он спугнёт лошадей, и действовал в спешке. Если бы священный кортеж был потревожен, я бы не смог искупить свою вину даже смертью, — стражник, стоя на коленях, в голосе которого слышалась доля страха.

Фан Ляочжи, испытывая адскую боль, едва мог разобрать слова, произносимые впереди. Меч у его шеи внезапно отстранился, и кто-то поднял его, повёл к повозке. Скорее, его тащили, так как он был совершенно обессилен, с тремя кровавыми полосами на теле, и не мог идти сам.

Когда его отпустили, он просто рухнул на землю.

— Встань на колени, — тихо прошептал ему на ухо человек с тонкими чертами лица, похожий на евнуха.

Он с трудом поднялся и кое-как принял позу на коленях.

Человек в повозке наконец выглянул, показав половину лица.

— Почему ты перегородил дорогу? Ты не слышал громких предупреждений?

Фан Ляочжи слышал лишь звон в ушах, ничего не мог разобрать. Звуки в животе были громче, чем всё вокруг, и он, пошатнувшись, потерял сознание.

— Ваше Величество, возможно, это из-за этого, — сказал евнух Цзю-эр, находившийся рядом с императором.

Он наклонился и поднял с земли грязный комок теста.

— Когда человек голодает до предела, он видит только еду. Я сам это испытал, прежде чем попал во дворец. Ваше Величество, этот человек, вероятно, был настолько голоден, что побежал за этой булочкой.

Кто-то потерял сознание перед его повозкой, и вокруг стояло множество людей. Просто проехать мимо было бы слишком жестоко.

— Возьмите этого человека в повозку, — приказал Чжао Жунцзюэ, обращаясь к своим людям.

— Ваше Величество, он грязный, и его личность неизвестна.

— Он просто хотел подобрать еду, а ты тремя ударами хлыста сбил его с ног. Если мы оставим его здесь, что подумают люди о своём новом императоре? Если не хочешь, чтобы он сел в повозку, носи его сам.

Император говорил строго, и Лин Чэ не осмелился возразить. Но посадить такого человека в императорскую повозку было крайне неподобающе. Он поднял человека, но не двинулся.

— Ты тоже садись и смотри за ним, теперь успокоился? — Жун Цзюэ, видя замешательство Лин Чэ, произнёс.

— Слушаюсь, — Лин Чэ подумал, что с его боевыми навыками такой человек вряд ли сможет навредить императору, и, взяв Фан Ляочжи на руки, вошёл в повозку.

— В путь! — крикнул Цзю-эр, и кортеж двинулся вперёд, проезжая по улице Цяньмэнь под крики «Десять тысяч лет!» от людей, стоящих на коленях.

Лин Чэ, держа Фан Ляочжи, сидел напротив Чжао Жунцзюэ, чувствуя себя крайне напряжённо. Проехав около двух ли, император не выдержал:

— Ты что, деревянный? Почему не положишь его?

— Ах, — Лин Чэ вдруг понял, что действительно выглядит глупо, и опустил человека на пол.

Когда тело распрямилось, в повозке смешались запахи пота и крови.

Жун Цзюэ сморщил нос. Лин Чэ поспешил сказать:

— Может, я всё-таки буду его держать?

— Ты не брезгуешь? Ты же всегда такой чистюля, — император с улыбкой поддразнил его.

Лин Чэ молчал, покраснев. Когда он поднимал этого человека, ему действительно пришлось собрать всю свою храбрость.

— Цзю-эр, приведи этого человека в порядок, — приказал Жун Цзюэ своему личному евнуху.

Цзю-эр поклонился, взял у носильщиков воду и полотенце, снял с лежащего человека одежду и начал осторожно обтирать его, стараясь не задеть три ярких следа от хлыста. Проехав ещё два ли, он наконец привёл человека в порядок. Затем он вытер грязь с его волос и завязал их. Одежда, которую сняли, страшно воняла, и Цзю-эр дал ему чистое одеяние евнуха.

— Ваше Величество, этот человек, скорее всего, потерял сознание от голода. Чтобы он пришёл в себя, нужно накормить его рисовым отваром, — закончив, Цзю-эр обратился к Жун Цзюэ.

Император, читая книгу, изначально не придавал значения судьбе этого человека, но, взглянув на него, увидел, что после очищения тот выглядел довольно благородно, совсем не похоже на того грязного и жалкого нищего, каким он был раньше.

— Жаль, — Жун Цзюэ снова опустил взгляд на книгу.

— Ваше Величество, может, он притворяется? Может, стоит привести его в чувство и допросить? — Лин Чэ, всё время настороженный, теперь ещё больше заподозрил неладное.

— Ладно, — Жун Цзюэ продолжал читать, не проявляя особого интереса к лежащему человеку.

Лин Чэ остановил повозку, вышел и купил у уличного торговца миску жидкой каши, затем вернулся.

Кормя его понемногу, он дал ему около десяти глотков, и человек наконец начал приходить в себя, полукрыв глаза.

Выпив половину миски, Фан Ляочжи начал выглядеть более человечно. Придя в себя, он понял, что всё вокруг было необычным, и всё тело горело от боли.

— Кто ты такой? Почему ты выбежал на дорогу? — Лин Чэ, видя, что он пришёл в сознание, сразу схватил его за запястье и спросил.

Фан Ляочжи сморщился от боли:

— Ах, как больно.

Лин Чэ слегка ослабил хватку, и Фан Ляочжи огляделся. В повозке сидел человек в чёрном халате, на подоле которого были вышиты девять золотых драконов. Во всём мире только один человек мог носить такую одежду. Посмотрев на человека перед собой, высокого и мощного, с необычайной силой в руках и грозным видом, Фан Ляочжи сразу понял, что находится в императорской повозке.

— Могу я допить эту кашу? — это были его первые слова, когда он всё осознал.

На свете нет ничего важнее еды, даже императора. Он не знал, чем провинился перед императором, но сейчас, если он не поест, он умрёт.

Чжао Жунцзюэ отложил книгу:

— Дай ему доесть. В таком состоянии он всё равно ничего не скажет.

Лин Чэ отпустил его руку и поднёс миску с кашей:

— Пей.

Фан Ляочжи, однако, не набросился на еду, как голодный зверь, а медленно выпил всю миску. Видимо, после долгого голодания, на лбу у него выступил пот.

— Простолюдин приветствует Ваше Величество, — Фан Ляочжи, набравшись немного сил, встал на колени и поклонился по всем правилам.

Чжао Жунцзюэ молча наблюдал за ним. Набравшись сил, этот человек стал выглядеть более живым, и в его глазах появилось что-то благородное, словно он был из знатной семьи.

— Ты точно не обычный нищий, — Лин Чэ произнёс очевидное.

— Ваша милость. Император изучает книгу «Цимень Дуньцзя», и, конечно, знает, что сегодня неблагоприятный день для пролития крови. Вы ударили меня, нарушив указ, но вас не наказали, что говорит о необычайной милости императора, — ответил Фан Ляочжи, явно давая понять, что он действительно не обычный нищий.

Лин Чэ был поражён. Откуда этот человек всё знает?

— Кто ты такой, говори правду!

— Я наказал его. Он нёс тебя два ли, и твой запах был для него настоящей пыткой, — Жун Цзюэ, разыгравшись, с улыбкой произнёс.

Лин Чэ, услышав слова императора, покраснел до ушей. Фан Ляочжи же выглядел совершенно безразличным.

Жун Цзюэ, кажется, наконец заинтересовался этим человеком, отложил книгу «Цимень Дуньцзя» и посмотрел на него:

— Ты тоже не робкого десятка.

— Ваше Величество, я и так был почти мёртв от голода. Вы спасли меня, вряд ли теперь убьёте, — Фан Ляочжи был совершенно бесстрашен.

— Допрашивай. Посмотрим, сможешь ли ты что-то выяснить, — император проигнорировал слова Фан Ляочжи и обратился к Лин Чэ.

Получив приказ, Лин Чэ немного растерялся. Он приставил короткий меч к шее Фан Ляочжи:

— Говори!

— Ваша милость, я только что сказал, что сегодня неблагоприятный день для пролития крови, и император не отрицал этого, сказав, что наказал вас. Теперь вы снова угрожаете мне мечом, неужели вы не уважаете императора?

Лин Чэ был озадачен и не нашёлся что ответить. Убрав меч, он положил ладонь на плечо Фан Ляочжи:

— Я могу сломать тебе кости и без крови.

— Ваша милость, за что император вас так любит? Вы совсем не симпатичны, — Фан Ляочжи поднял взгляд на Лин Чэ, выглядя совершенно бесстрашным.

— Ты! — Лин Чэ, разозлившись, уже собирался применить силу.

— Лин Чэ! — Жун Цзюэ остановил его.

— Простолюдин благодарит Ваше Величество за спасение, — Фан Ляочжи снова поклонился, на лице его была льстивая улыбка.